

Шенк Петр Петрович

**Об авторском праве на
музыкальные произведения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 78
ББК 85.31
П30

П30 **Петр Петрович Ш.**
Об авторском праве на музыкальные произведения / Шенк Петр Петрович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 81 с.

ISBN 978-5-521-30979-5

ISBN 978-5-521-30979-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

времени; но онъ никакъ не долженъ допускать «справедливаго усмотрѣнія суда», нарушеній авторскаго права, въ разрѣшеніи которыхъ авторъ «по доброй совѣсти» не могъ бы отказать, и тому подобныхъ неуволнимыхъ и условныхъ опредѣленій.

Я буду касаться въ этой статьѣ только авторскихъ правъ на музыкальныя произведенія, оставляя представителямъ другихъ отраслей художественнаго творчества высказаться по ихъ спеціальностямъ, но сначала всетаки скажу нѣсколько словъ о художественномъ творествѣ вообще; при этомъ я не могу обойти молчаніемъ и того факта, который самымъ нагляднымъ образомъ показываетъ непониманіе составителями законопроекта сущности художественнаго творчества, а именно причисленіе фотографовъ къ разряду авторовъ. Я не возражаю противъ того, что фотографическія произведенія нуждаются въ охранѣ закона, а указываю лишь на то, что считать фотографовъ авторами въ такой же степени неосновательно, какъ считать огородника авторомъ выращеннаго имъ огурца и что одинъ и тотъ же законъ непримѣнимъ одновременно и къ творческой дѣятельности человѣческаго духа и къ техническому производству, автоматически отражающему лишь окружающую природу и лишенному всякой творческой мысли.

II.

Для того, чтобы опредѣлить, какой именно родъ дѣятельности подходитъ подъ понятіе «творчества» и долженъ быть охраняемъ закономъ объ авторскомъ правѣ, надо выяснитъ прежде всего, въ чемъ заключается сущность творчества. Принадлежность къ профессіи писателя, драматурга, художника, композитора, еще недостаточна для того, чтобы зачислить такого дѣятеля къ категоріи лицъ, охраняемыхъ закономъ объ авторскомъ правѣ, такъ какъ извѣстная часть ихъ дѣятельности можетъ носить только чисто техническій характеръ и потому не всѣ произведенія ихъ, по моему мнѣнію, могутъ быть объектомъ авторскаго права. Поясню примѣрами:

1) Литераторъ, который, хотя бы очень талантливо и въ художественной формѣ, но точно описалъ дѣйствительное происшествіе, не можетъ имѣть «авторскихъ» правъ на свою статью, явившуюся не продуктомъ его личнаго духовнаго творчества, а лишь болѣе или менѣе удачно изложенной корреспонденціей; содержаніе же корреспонденціи никоимъ обра-

зомъ не можетъ быть собственностью автора и всякій долженъ имѣть возможность воспользоваться ею для самостоятельной статьи или для перепечатки, даже дословной, если только корреспондентъ не внесъ въ изложеніе оригинальнаго освѣщенія фактовъ, собственныхъ выводовъ изъ описанныхъ событій, однимъ словомъ, собственной идеи; въ послѣднемъ случаѣ, идея эта будетъ, конечно, составлять неотъемлемую собственность автора.

2) Драматургъ, изложившій въ сценической формѣ чужой сюжетъ, не можетъ считаться авторомъ пьесы; творцомъ ея долженъ быть признанъ авторъ сюжета (съ правами на публичное исполненіе); драматургъ же могъ бы имѣть авторское право только на планировку; но планировка настолько зависить отъ сюжета, что другой драматургъ, обрабатывая тотъ же сюжетъ совершенно самостоятельно, можетъ невольно дать почти буквально совпадающую по планировкѣ пьесу. Установить, кто у кого заимствовалъ, было бы вележкой задачей для суда (вспомнимъ дѣло гг. Ге и Арбенина по поводу передѣлки въ драму романа Л. Н. Толстого «Воскресеніе»). Правильнѣе было бы вовсе не считать драматическихъ закройщиковъ авторами. Ихъ трудъ, разумѣется, долженъ быть оплаченъ тѣми, кто имъ пользуется, но «авторскихъ» правъ они не имѣютъ.

Также обстоитъ дѣло и съ переводчиками и лицами, перелагающими прозаическое сочиненіе въ стихотворную форму. Авторомъ переведеннаго произведенія долженъ считаться авторъ оригинала и только за нимъ должны быть сохранены всѣ присвоенныя автору права исключительной собственности на произведеніе, на какомъ бы языкѣ оно ни было передано. Переводчикъ же имѣетъ право лишь на оплату затраченнаго имъ труда. Никто не долженъ обладать монополіей на переводъ какого-либо произведенія, кромѣ самого автора, да и авторъ не долженъ имѣть права передавать свою монополію другому лицу. Автору оригинала должно быть дано право запрещать неудовлетворительные переводы, но всякому желающему необходимо предоставить право выпустить новый переводъ произведенія, подъ условіемъ, конечно, уплаты опредѣленной части своего дохода въ пользу автора оригинала и съ одобренія послѣднимъ перевода.

3) Художникъ, срисовавшій съ натуры портретъ или ландшафтъ, не можетъ обладать исключительнымъ авторскимъ правомъ на такое произведеніе, такъ какъ онъ не создалъ въ

немъ самостоятельной идеи, а сумѣлъ лишь выбрать позицію, придать эффектное освѣщеніе, уловить извѣстное настроеніе, т. е. исполнилъ посредствомъ кисти и полотна буквально то же, что дѣлаетъ любой фотографъ при помощи аппарата и пластинокъ. Разница въ количествѣ и качествѣ труда, затраченнаго художникомъ и фотографомъ, выразится только въ оцѣнкѣ ихъ работы, но ни тотъ, ни другой не могутъ считаться творцами произведенія. Поэтому, всякому желающему должно быть предоставлено право воспроизводить впослѣдствіи тотъ же ландшафтъ или то же лицо, при такомъ же точно освѣщеніи и съ такой же точно позиціи. Собственникомъ портрета должно быть признано лицо, изображенное на немъ, а собственникомъ ландшафта—лицо, которому принадлежитъ изображаемая мѣстность, и безъ разрѣшенія этихъ лицъ продажа и распространеніе снимковъ не могутъ быть допущены.

Если художникъ или фотографъ изобразилъ какую-нибудь группу изъ сценическаго представленія, живую картину, заключающую въ себѣ не простую позу, а опредѣленный сюжетъ и поставленную кѣмъ либо другимъ, то авторомъ картины или фотографіи должно считаться лицо, сочинившее и поставившее группу, которая послужила моделью для картины или фотографіи, и только въ томъ случаѣ, если этимъ лицомъ явился самъ художникъ или фотографъ, таковой имѣетъ полное авторское право на свое произведеніе.

Отсюда вытекаетъ несомнѣнное авторское право лицъ, до сихъ поръ не пользующихся еще охраной закона, а именно: режиссеровъ, балетмейстеровъ и составителей всякихъ *mise en scène*. Необходимо подвести подъ охрану закона также сочиненіе сценарія, танцевъ, живыхъ картинъ и т. п., какъ несомнѣнное проявленіе творческой дѣятельности.

4) Композиторъ, технически обработавшій чужую музыкальную мысль посредствомъ оркестровки, арранжировки, гармонизаціи, составленія попури, имѣетъ только право на оплату затраченнаго имъ труда, но не можетъ обладать «авторскими» правами на произведеніе. Исполнивъ такую работу, не иначе какъ съ разрѣшенія автора и продавъ свой трудъ издателю или какой-либо музыкальной или театральной дирекціи, композиторъ долженъ этимъ окончить всѣ притязанія на свой трудъ. Запрещеніе перепечатокъ и исполненія оркестровки или арранжировки будетъ уже относиться къ охранѣ правъ автора и издателя, а не перелagателя.

Изъ приведенныхъ примѣровъ, надѣюсь, будетъ понятна та точка зрѣнія, которой я придерживаюсь въ опредѣленіи сущности художественнаго творчества. Формулировать ее можно было бы слѣдующимъ образомъ:

Сущность художественнаго творчества, вообще, заключается въ созданіи новыхъ самостоятельныхъ мыслей, связанныхъ въ опредѣленной послѣдовательности или группировкѣ и служащихъ проведенію, въ художественной формѣ, какой-либо идеи или настроенія.

Авторомъ художественнаго произведенія, независимо отъ того, кѣмъ и въ какомъ видѣ оно передается на пользованіе общества, слѣдуетъ считать то лицо, которое для проведенія какой либо идеи или настроенія, создало произведение, вложивъ въ него новыя самостоятельныя мысли и связало ихъ въ опредѣленной послѣдовательности.

Примѣняя эту формулировку специально къ музыкальному искусству, слѣдуетъ признать, что сущность творчества композитора заключается въ изобрѣтеніи новой музыкальной мысли (темы), которая появляется иногда въ видѣ простой безыскусственной мелодіи, иногда же сразу и нераздѣльно съ гармоническимъ нарядомъ и даже оркестровой окраской. Мысль эта развивается извѣстнымъ логическимъ образомъ, связывается съ рядомъ новыхъ музыкальныхъ мыслей, которыя вмѣстѣ съ первоначальной мыслью выливаются въ форму одного цѣлаго художественнаго произведенія.

Гармоническій нарядъ, разработка, оркестровка или порядокъ группировки темъ, взятые отдѣльно отъ изобрѣтенной темы, не составляютъ продукта творчества, а являются слѣдствіемъ техническаго умѣнья, а потому лицо, даже впервые примѣнившее новое гармоническое сочетаніе, новые модуляціонныя ходы или новые эффекты оркестровки, не можетъ считаться авторомъ и не должно имѣть исключительнаго права на примѣненіе этихъ новыхъ техническихъ, а не творческихъ пріемовъ. Авторомъ музыкальнаго произведенія будетъ всегда авторъ темы и потому обработка чужой темы, писаніе на нее варьяцій, фантазій и т. п. безъ разрѣшенія автора темы, является нарушеніемъ авторскихъ правъ и не должно быть допускаемо закономъ.

Я знаю, что такое опредѣленіе музыкальнаго творчества вызоветъ протестъ со стороны многихъ лицъ, по недоразумѣнію считающихъ себя композиторами, а также, можетъ быть, и нѣкоторыхъ настоящихъ композиторовъ, сжившихся съ преобладающими еще въ музыкальной жизни понятіями.

Мнѣ возразятъ: Какъ? Неужели Глипка съ его «Камаринской», Балакиревъ съ его увертюрой на русскія темы, Римскій-Корсаковъ съ его «Испанскимъ каприччіо» не должны считаться авторами этихъ произведеній? На это я скажу: не все то, чѣмъ въ своей жизни занимались истинные композиторы, можетъ считаться творчествомъ; тотъ фактъ, что въ результатъ ихъ работы получалось одинаково цѣнное художественное произведеніе, независимо отъ того, вкладывали ли композиторы въ нихъ собственныя или чужія мысли, еще не доказываетъ ихъ одинаковыхъ правъ въ томъ и другомъ случаѣ.

Существуетъ напр. такое «сочиненіе» г. Глазунова «Шопеніана», которое состоитъ исключительно изъ сочиненій Шопена, взятыхъ безъ измѣненій и оркестрованныхъ г. Глазуновымъ. Разумѣется авторомъ этого сочиненія долженъ быть признанъ Шопенъ, а не Глазуновъ и послѣдній не долженъ имѣть права на полученіе гонорара за исполненіе сочиненія, который по справедливости долженъ выдаваться наслѣдникамъ Шопена (если бы таковыя были и если бы не окончился срокъ ихъ права).

Именно благодаря неправильному взгляду на музыкальный трудъ, появилось много поддѣльныхъ композиторовъ, лишенныхъ всякаго творческаго дарованія, но которые, научившись техническимъ приѣмамъ, безцеремонно пользуются чужимъ творческимъ матеріаломъ, въ формѣ ли народныхъ пѣсенъ или темъ, заимствованныхъ изъ произведеній другихъ композиторовъ. Я не говорю, что музыкальныя произведенія, построенныя на народныхъ мелодіяхъ или на чужихъ темахъ не имѣютъ художественнаго значенія и не нуждаются ни въ какой охранѣ, а только указываю на ихъ принадлежность къ совершенно другой категоріи музыкальной дѣятельности, не къ творчеству, а къ мастерству.

III.

Приступая къ критическому разбору какъ самого законопроекта объ авторскомъ правѣ на музыкальныя произведенія, такъ и способа его проведенія черезъ Государственную Думу,

я долженъ, прежде всего, указать на то, что о музыкальной части законопроекта упоминалось какъ то вскользь, какъ о какой-то незначительной разновидности авторскаго права, не болѣе существенной, чѣмъ фотографическое производство. И въ объяснительной запискѣ Министра Юстиціи и въ докладѣ О. Я. Пергамента и въ рѣчахъ думскихъ ораторовъ (напр. г. Милюкова), обсужденіе общихъ положеній и вопросовъ по авторскому праву постоянно сбивалось на интересы автора и общества только по отношенію къ литературнымъ произведеніямъ. Между тѣмъ, условія музыкальнаго творчества, вліяніе музыки на общество, зависимость музыки отъ общественной среды, способы распространенія музыкальныхъ произведеній, настолько отличаются отъ тѣхъ же факторовъ при литературной и художественной дѣятельности, что по моему убѣжденію, законъ долженъ выдѣлить изъ общихъ положеній по авторскому праву въ особую часть все что касается музыкальныхъ произведеній, такъ какъ многое изъ этихъ общихъ положеній совершенно непримѣнимо къ музыкальной отрасли.

Несомнѣнно, что и композиторъ является общественнымъ дѣятелемъ, такъ какъ его назначеніе—служить обществу своимъ дарованіемъ и трудомъ. Но про музыкальныя произведенія никакъ нельзя сказать, какъ указано въ запискѣ Министра Юстиціи, что они «являются въ сущности лишь отраженіемъ общественныхъ идеаловъ и среды». Композиторъ черпаетъ матеріалъ для своего вдохновенія не изъ внѣшней, окружающей его жизни, а изъ своего внутренняго, духовнаго міра. Истинный, вдохновенный композиторъ творитъ какъ бы въ трансѣ, музыкальная мысль рождается въ немъ помимо его воли и онъ старается лишь передать на бумагѣ то, что онъ слышитъ своимъ внутреннимъ слухомъ, то что долетаетъ до него изъ какого то особеннаго, другого міра,—міра звуковъ, чувствъ и настроеній. Вліяніе общественныхъ идеаловъ и среды на музыкальное творчество ничтожно, тогда какъ вліяніе музыки на духовное и нравственное просвѣщеніе общества громадно. Музыка непосредственно дѣйствуетъ на душу слушателя, она вліяетъ на его настроеніе, характеръ. Музыкальное дарованіе, особенно творческое,—явленіе крайне рѣдкое: на 100 литераторовъ врядъ ли найдется одинъ композиторъ; распространеніе музыкальныхъ произведеній очень медленное и незначительное: на 1000 гра-

мотныхъ людей врядъ ли найдется одинъ, умѣющій читать поты. Способъ печатанія нотъ (гравировка металлическихъ досокъ и литографскіе оттиски) неизмѣримо дороже и сложнее печатанія книгъ, не говоря уже о газетныхъ листкахъ. Литературное произведеніе имѣетъ всегда болѣе или менѣе злободневный характеръ и быстро проникая въ общество, даетъ автору весьма скоро нравственное и матеріальное удовлетвореніе, тогда какъ музыкальное произведеніе, годами ждетъ возможности найти доступъ къ публикѣ и получивъ его, десятками лѣтъ, а иногда столѣтіями проникаетъ въ сознаніе общества, которое оцѣниваетъ композитора болшею частью тогда, когда сгніють кости его наслѣдниковъ.

Все это необходимо припять во вниманіе при сравненіи съ другими отраслями художественной дѣятельности и тогда станетъ яснымъ, что музыкальные авторы, несмотря на ихъ большое значеніе для общества, находятся въ несравненно болѣе неблагоприятныхъ условіяхъ, нежели литераторы, драматурги, художники и т. д.

Даже по отношенію къ другимъ музыкальнымъ дѣятелямъ, композиторъ, особенно русскій, благодаря своему безправному положенію, находится въ самыхъ жалкихъ условіяхъ.

Въ своей запискѣ въ Общество Музыкальныхъ педагоговъ и другихъ музыкальныхъ дѣятелей (1905 г.), приложенной къ моему проекту уплаты композиторамъ гонорара за исполняемые въ концертахъ сочиненія, я подробно изложилъ тѣ условія, въ которыхъ принуждены работать русскіе композиторы. Считаю излишнимъ привести здѣсь часть этой записки:

«Тогда какъ всякая другая профессія даетъ заработокъ лицамъ, посвятившимъ себя ей, дѣятельность русскаго композитора не только не можетъ дать ему средствъ къ существованію, но требуетъ еще расходовъ, для возмѣщенія которыхъ композиторъ принужденъ прибѣгать къ постороннему заработку. Совмѣстить композиторскую дѣятельность съ работою ради насущнаго хлѣба почти невозможно, а посвятить себя исключительно музыкальному творчеству могутъ въ Россіи только лица, которыя или сами вполне обеспечены матеріально, или же которымъ посчастливилось попасть подъ покровительство какого либо мецената. Но, къ сожалѣнію, меценаты, покровительствовавшіе до сего времени нѣкоторымъ русскимъ композиторамъ, оказывали поддержку или извѣстному отдѣльному лицу или же, въ лучшемъ случаѣ, небольшой группѣ лицъ

узко партійнаго характера. Масса же талантливыхъ композиторовъ владѣли жалкое существованіе, перебиваясь уроками, занимаясь арранжировками, сочиненіемъ модныхъ таицевъ и цыганскихъ романсовъ или же, бросивъ совершенно композиторскую дѣятельность, обращались къ другому заработку.

Такое положеніе русскихъ композиторовъ, несомнѣнно, приведетъ къ полному упадку русскаго музыкальнаго искусства.

Сами композиторы, хотя сознаютъ всю тяжесть ихъ профессіи, но не доискиваются ея причинъ. Между тѣмъ, если разобраться въ томъ, какую роль играютъ композиторы въ музыкальномъ искусствѣ, то нельзя не удивляться тому, какое ничтожное положеніе они занимаютъ среди другихъ музыкальныхъ дѣятелей и какъ мало цѣнятъ вообще композиторскій трудъ.

Чтобы уяснить себѣ, насколько существованіе композиторовъ болѣе необходимо для музыкальнаго искусства, нежели существованіе всѣхъ другихъ музыкальныхъ дѣятелей, стоитъ лишь себѣ представить, что композиторовъ не существуетъ вовсе и что вмѣстѣ съ ними исчезла съ лица земли и вся ихъ творческая работа: всѣ написанныя до сего времени сочиненія. Во что должны обратиться при такомъ положеніи всѣ остальные профессиональные музыкальные дѣятели, всѣ модные любимцы публики: артисты, виртуозы, дирижеры? Что станутъ дѣлать антрепренеры, директора театровъ, музыкальные критики, издатели? Существованіе ихъ потеряетъ всякій смыслъ. Исчезновеніе же съ лица земли всѣхъ перечисленныхъ лицъ не уничтожило бы композиторовъ; исполненіе ихъ произведеній представлялось бы возможнымъ посредствомъ механическихъ инструментовъ, уже теперь достигшихъ значительнаго совершенства; наконецъ, только однимъ путемъ печати, сочиненія могли бы широко распространяться среди любителей музыкальнаго искусства. Но никакой механизмъ, никакія правила теоріи не дали бы возможности исполнителямъ обойтись безъ творческаго начала, т. е. безъ композиторовъ.

Однако, трудъ оперныхъ артистовъ, дирижеровъ, оркестровыхъ музыкантовъ, хористовъ, педагоговъ, потныхъ торговцевъ, принято оплачивать жалованьемъ, пенсіями; виртуозы и дѣятели концертной эстрады легко дѣлаются кумирами толпы и собираютъ обильную дань со своихъ поклонниковъ, а композиторы должны униженно кланяться и артистамъ, и дирижерамъ, и антрепренерамъ и директорамъ музыкальныхъ обществъ

и издателямъ и дирекціямъ театровъ, должны дарить всѣмъ экземпляры своихъ сочиненій, часто купленные ими отъ своего же издателя, покупать иногда даже билетъ на концертъ, чтобы услышать свое сочиненіе.

Ни одинъ трудъ не эксплуатируется такъ безцеремонно, какъ трудъ композиторовъ. Изъ всѣхъ лицъ и учреждений, которыя пользуются и живутъ трудами композиторовъ, только оперные театры (и то не всѣ) уплачиваютъ композиторамъ часть своего дохода; издатели удѣляютъ иногда ничтожныя крохи только немногимъ счастливымъ избранныкамъ, приобретаая права собственности на произведенія остальныхъ композиторовъ безъ уплаты имъ какого-либо гонорара и даже заставляя ихъ иногда уплачивать часть расходовъ по печатанію; всѣ же остальные лица и учрежденія не только не считаютъ нужнымъ вознаграждать композиторовъ, но увѣрены, что уже одно исполненіе ихъ сочиненій служить достаточной наградой композиторамъ.

Наиболѣе дѣйствительной и самой справедливой мѣрой для борьбы съ эксплуатаціей композиторскаго труда явилось бы введеніе уплаты гонорара за исполненныя въ концертахъ сочиненія, но осуществленіе этого мѣропріятія обычнымъ путемъ, встрѣчаетъ непреодолимые препятствія.

Хотя существующій въ Россіи законъ волюнѣ признаетъ за композиторами право музыкальной собственности, раздѣляя его на право изданія и право исполненія сочиненій, но тѣмъ не менѣе, онъ не даетъ никакой возможности охранять это право.

Статья 42 приложенія къ ст. 420 т. X ч. 1 Св. Зак. гласитъ: «Изданныя въ свѣтъ музыкальныя произведенія могутъ, кромѣ лишь оперъ и ораторій, быть и безъ согласія автора исполняемы передъ публикою, если только при самомъ изданіи сочиненія не будетъ на печатныхъ оного экземплярахъ объявлено, что публичнаго его разыгрыванія авторъ не дозволяетъ».

Слѣдовательно, единственнымъ способомъ охраны права публичнаго исполненія является помѣщеніе на печатномъ экземплярѣ запретительной надписи; но такой способъ охраны, несомнѣнно, вызоветъ совершенно нежелательныя послѣдствія:

Помѣщать надписи, запрещающую исполненіе сочиненія безъ согласія автора, можно будетъ только на вновь издаваемыхъ сочиненіяхъ, а для ранѣе напечатанныхъ,—лишь при

повтореніи изданій. Но надпись на новыхъ изданіяхъ ранѣе напечатанныхъ сочиненій, нисколько не устраняетъ возможности бесплатнаго исполненія ихъ, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ придется требовать доказательства, по какому именно экземпляру было исполнено сочиненіе: по прежнему или по новому изданію, что приведетъ лишь къ непрерывнымъ пререканіямъ, судебнымъ процессамъ, а въ концѣ концовъ не можетъ быть ясно доказано (особенно при исполненіи наизусть).

По этому, представляется возможнымъ дѣйствительно охранять только тѣ сочиненія, которыя вновь будутъ появляться въ свѣтъ; въ обращеніи же среди артистовъ и публики останется громадное количество экземпляровъ русскихъ музыкальных сочиненій, которыя не снабжены подобной надписью и поэтому могутъ быть, на законномъ основаніи, свободно исполняемы безъ согласія авторовъ и слѣдовательно безъ какого-либо вознагражденія имъ.

Естественно, что устроители концертовъ, въ большинствѣ преслѣдующіе исключительно матеріальныя выгоды, желая избѣгнуть излишнихъ расходовъ и пререканій, предпочтутъ исполнять сочиненія не охраняемыя закономъ, тѣмъ болѣе что интересъ программы отъ этого ни мало не пострадаетъ: въ распоряженіи устроителей концертовъ будутъ находиться всѣ до сего времени написанныя выдающіяся сочиненія наиболѣе любимыхъ и знаменитыхъ русскихъ композиторовъ, не считая богатѣйшей иностранной классической и современной музыкальной литературы. Сочиненія же, охраняемыя закономъ, будутъ преимущественно принадлежать начинающимъ, малоизвѣстнымъ авторамъ или, если извѣстнымъ композиторамъ, то уже находящимся въ упадкѣ ихъ творческихъ силъ.

Если бы даже удалось добиться измѣненія закона въ томъ смыслѣ, что публичное исполненіе музыкальных произведеній безъ согласія автора или его правопреемника было бы вообще воспрещено, то таковая охрана правъ композиторовъ, въ принципѣ весьма желательная, оказалась бы на дѣлѣ вредной: устроители концертовъ, безъ ущерба для ихъ матеріальныхъ выгодъ, обратились бы къ исполненію иностранныхъ произведеній и тѣхъ русскихъ авторовъ, которые наслѣдниковъ и правопреемниковъ не оставили (Глинка, Даргомыжскій, Бородинъ, Мусоргскій); такимъ образомъ, русскимъ композиторамъ, особенно начинающимъ, былъ бы совершенно